

Пожалуй, нет в современном отечественном искусстве более загадочной области, чем кинематограф. Если верить «Кинопанораме», то картины снимаются и играют в них замечательные артисты... Если посмотреть на афиши, то понимаешь, что в кинотеатрах демонстрируется в основном зарубежная продукция. Подобная двойственность вообще свойственна нашей сегодняшней жизни, в которой иллюзия почти не отличается от реальности.

Мой собеседник Андрей Харитонов — не исключение из общего правила. Его Овод был кумиром школьников. Московские театры запомнили его работу в спектакле Малого театра «Двое на качелях». В последнее время Харитонов снимает кино как режиссер. Его дебютная лента «Жажда страсти» — странная история о поединке изломанной декадентской дамы со своим воспаленным подсознанием, со своим отражением в зеркале Тьмы — прошла с успехом и... исчезла. Сейчас Андрей работает над киноинтерпретацией библейского мифа о царевне Саломее, потребовавшей в награду за танец голову пророка Иоанна. Снова страсть, и снова главную роль играет блистательная Анастасия Вертинская. А может, страсть то небольшое, что остается неизменным в смутное время перемен?

Харитонов: — Все, что мне хочется сказать этим фильмом, зрители смогут увидеть. Художник должен говорить с публикой при помощи своих произведений — это его средство общения с миром. А когда, скажем, писатель дает обширное интервью по поводу своей книги, я этого не понимаю.

— Хорошо. Тогда ответьте на вопрос: в каких отношениях находятся искусство и жизнь сегодня?

— Знаете, у Оскара Уайльда есть мысль о том, что единствен-

ная вещь, которая связывает реальную жизнь с искусством, — это изящно подобранная бутоньерка. Я же категорически отделяю искусство от жизни. И считаю,

что сегодня они особенно далеки друг от друга.

Я верю, что существует искусство ради искусства. Кино ради кино. Но ведь есть кино, которое существует ради зрителя, коммерческое в точном смысле этого слова. У нас такого никогда не было. Кто-то работал ради строчки в газете. Кто-то ради каких-то номенклатурных оценок или привилегий. Были госдотации, и каждый начинал картину, намереваясь сотворить шедевр. А гении рождаются очень редко. Они чувствуют свое предназначение и, несмотря ни на какие препоны, несмотря на то, какой строй на дворе, выполняют свою задачу. Как это сделал, скажем, Тарковский. Хотя он жил в таких условиях, что страшно вспоминать. Что рассуждать о

гениальных произведениях — они появляются сами по себе. Никто не может оказать влияния на то, чтобы они не появлялись, либо на то, чтобы они появлялись. Но такие произведения не имеют отношения к общему потоку, именно к продукции, если мы говорим о кино.

— Извините, прерву. Скажите, а «Жажда страсти» вы относите к какой категории?

— Мне хотелось сделать качественный фильм. Нормальный,

ничего подобного. Наоборот, он не имеет к жизни никакого отношения, почему в него и верят. Он весь сконструирован.

Когда я учился в институте, очень увлекался авангардом. Потом у меня взгляды изменились, но я понимаю, почему некоторое время назад европейский авангард интересовался всей грязью, которая существует в жизни. Для них эта грязь приобретала статус некоей антикварной вещицы для нас. Непонятно, что это, но лю-

На Западе на артиста работает целая индустрия. Конечно, там есть и такой момент, как лотерея. Но и естественный отбор не скидывается со счетов, потому что деньги выгоднее вкладывать в того, кто более талантлив, более красив или более профессионален. У нас же прежде раскручивали кого угодно: мол, страна богатая — все окупится.

А ведь актер должен быть ну хотя бы элементарно «в форме». Слава богу, молодежь сей-

— Вы не слишком пессимистичны?

— Просто я реально смотрю на вещи. И вообще, боюсь, что через некоторое время, когда старшее поколение перестанет работать, возникнет вопрос: кто придет взамен? Такого не бывает, чтобы сегодня — непрофессионал, а завтра — актер. Хотя допускаю, что и фотомодель можно снимать в кино, но чтобы никто не догадался, что это фотомодель. Впрочем, так может быть лишь тогда, когда есть кинобизнес, иными словами, кинодело. В этом случае и зритель массовый всегда обслужен, и элитарный.

Недавно я вернулся из Вены — там идут только американские фильмы. Но в специальном кинотеатре показывали французскую картину, которая чем-то прославилась. И зрители приходят в шикарный зал с бархатными креслами, где не больше трехсот мест, и в тишине смотрят эту элитарную картину.

Наверное, так и нужно. Кто-то включит телевизор и начнет смотреть очередную серию «Богатых, которые тоже плачут», а кто-то откроет том Оскара Уайльда. После долгих лет одиночества происходит размежевание интересов. Это естественно. А реальность... Всем одинаково хочется убежать от нее. Как это делали усталые люди на рубеже XIX—XX веков, создавая художественные объединения, подобные «Миру искусства», и пытаясь в искусстве найти путь к пониманию жизни.

Беседу вел
Александр СМОЛЬЯКОВ.

Убежать от реальности?

Правда. — 1992. — 29 дек.

Куда исчезают фильмы после премьеры

добротный, профессионально снятый. А это не так мало. Если бы у нас кинематограф был бизнесом, как во всем мире, «Жажда страсти» не обратила бы на себя внимания среди множества других. Но у нас сейчас существует штучное, кустарное производство.

А возвращаясь к взаимоотношениям искусства и жизни, хочу сказать, что сегодня искусство должно дарить забвение, позволять забыть. И прежде всего это относится к кино для зрителя — коммерческому кино.

На наших же студиях привыкли работать по принципу: что вижу, то и снимаю. А это никому не надо — это документальное кино. Почему все восхищаются американским кинематографом: «Ах, это сама жизнь!» Да,

боятно. А мы-то все существуем в этом. И для нас самой авангардной картиной будет та, которую снимут здесь, но ни у кого не возникнет подозрения, что она снята здесь.

— А как в столь сложные времена живется актерам?

— Я всегда говорю: наши артисты — самые выносливые и самые профессиональные, ибо в нашем кино все направлено против них. А ведь главное достояние любого кинематографа — «звезда». И зрители идут, как правило, именно на нее. Если бы в «Жажде страсти» не было Анастасии Вертинской, мы бы просто не стали снимать картину. «Звезда» наполняет смыслом любое начинание, «тянет» за собой определенный шлейф, и все вдруг обрывается значением.

час совсем другая. Появились молодые ребята с накачанными мускулами — я не знаю, какие они артисты, но на них приятно смотреть. Это считается красивым. И это то, что зритель хочет видеть.

Кроме того, есть такое понятие, как ампула. Ампула ограничивает исполнительский диапазон, но ведь актер может измениться. Причем внешними средствами. Однако у нас такое практиковалось редко. Кроме того, при нынешнем калейдоскопе лиц на экране, если ты кардинально изменился, могут решить, что это другой артист. Мы как бы находимся на уровне немого кинематографа, когда кумиры боялись менять прическу, потому что народ не узнает...